

КУЛЬТУРА ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ CULTURE OF FINNO-UGRIC PEOPLES

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.438-451><https://elibrary.ru/ggeaig>

УДК / UDC 930.85:81`37

Оригинальная статья / Original article

Трансформация семантики накосника пулокерь в мордовском женском костюме

Т. А. Шигурова*МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск,**Российская Федерация, <https://ror.org/0262qgk29>**shigurova_tatyana@mail.ru*

Аннотация

Введение. В современном мире проблема сохранения и осмысления нематериального культурного наследия приобретает особую остроту в условиях глобализации и унификации традиционных культур. Одним из важнейших носителей этнической памяти является традиционный костюм, в котором отражены мировоззренческие, социальные и эстетические коды народа. В мордовской традиции особое место занимает накосник – элемент женского убора, сочетающий утилитарную, обрядовую и знаковую функции. Однако, несмотря на богатый описательный материал, накопленный этнографами XIX–XX вв., семантика отдельных деталей костюма, в том числе пулокеря (накосника), остается недостаточно изученной в контексте ее исторической динамики. Цель исследования – анализ семантики накосника пулокерь.

Материалы и методы. Методологическую основу статьи составляет междисциплинарный подход в сочетании с культурологическим, философским, семиотическим анализом. Сравнительно-исторический анализ позволил выявить изменения в форме накосника, материалах и технологии, семиотический анализ использован для осмысления знаковой системы элементов костюма. Исследованы артефакты, обнаруженные летом 2021 г. во время археологических раскопок памятника «Калмолай» (XVII–XVIII вв.); для проведения сравнительно-исторического и семиотического анализов накосника и интерпретации смысла вещи в традиционной культуре привлечены письменные источники Русского географического общества, произведения устно-поэтического творчества мордовского народа, этнографические сведения о традиционном женском головном уборе XIX – начала XX вв. и его терминологии.

Результаты исследования и их обсуждение. Многообразие интерпретации художественно-символических смыслов накосника определяется длительностью функционирования пулокеря в традиционной культуре. В центре внимания – воссоздание смысла элемента традиционного мордовского костюма, уже утраченного породившей его культурой, использование в этнокультуре (в ритуальной и магической практике) соляных символов, а также вариации смысла названия накосника. Сложные культурно-исторические процессы на территории Среднего Поволжья с XI по XVII вв., способствовали изменению ценностно-коммуникативных и художественно-символических значений в системе культуры, трансформации смысла накосника.

Заключение. Исследование демонстрирует сохранение универсальных смыслов соляного символа, связанного с истоками рождения вещи в сюжетах эпических и фольклорных текстов, в магической и обрядовой практике, в ритуалах народной медицины, в графике хореографического и декоративно-прикладного искусства мордовского народа. Письменными источниками XIX – начала XX вв. зафиксированы особенности в манере ношения девичьего накосника, бытование наспанных украшений головного убора мокшанской женщины «фтала пула», «копорь цёкане», ритуальной свадебной прически невесты «керь пуло», свадебного украшения свахи «свахань пуло», «кудавань цекыня».

Ключевые слова: мордовский традиционный костюм, женский головной убор, накосник пулокерь, семантика украшений, эволюция формы

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шигурова Т. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Шигурова Т.А. Трансформация семантики накосника пулокер в мордовском женском костюме. *Финно-угорский мир*. 2026;18(3):438–451. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.438-451>

Transformation of the Semantics of a Puloker Braid Ornament in a Mordovian Women's Costume

T. A. Shigurova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation, <https://ror.org/0262qgk29>
shigurova_tatyana@mail.ru

Abstract

Introduction. In the contemporary world, the preservation and interpretation of intangible cultural heritage have become particularly pressing in the context of globalization and the increasing homogenization of traditional cultures. One of the most important repositories of ethnic memory is traditional costume, in which a people's worldview, social meanings, and aesthetic codes are embedded. Within the Mordovian tradition, a special place is occupied by the puloker, an element of women's attire combining utilitarian, ritual, and symbolic functions. However, despite the extensive descriptive material accumulated by ethnographers of the 19th and 20th centuries, the semantics of individual costume elements, including the puloker, remain insufficiently studied in terms of their historical development. The aim of this study is to analyse the semantics of the puloker.

Materials and Methods. The methodological framework of the study is based on an interdisciplinary approach combined with cultural, philosophical, and semiotic analysis. Comparative historical analysis was used to identify changes in the form of the puloker, as well as in the materials and techniques employed in its production, while semiotic analysis was applied to interpret the system of signs embodied in the elements of traditional costume. The study examines artefacts discovered in the summer of 2021 during archaeological excavations at the Kalmolyay site, dating from the 17th to the 18th centuries. For the comparative historical and semiotic analysis of the puloker and for the interpretation of its meaning within traditional culture, the authors also draw on written sources of the Russian Geographical Society, works of Mordovian oral folklore, and ethnographic data on the traditional women's headdress of the 19th and early 20th centuries, including its associated terminology.

Results and Discussion. The diversity of interpretations of the artistic and symbolic meanings of the puloker is determined by the long-standing role of the puloker in traditional culture. The study focuses on reconstructing the meaning of this element of the traditional Mordovian costume, which has already been lost by the culture that produced it; on the use of solar symbols in ethnocultural ritual and magical practices; and on variations in the semantic interpretation of the term puloker. The complex cultural and historical processes that took place in the Middle Volga region from the 11th to the 17th centuries contributed to changes in the value-based, communicative, artistic, and symbolic meanings within the cultural system, ultimately transforming the meaning of the puloker.

Conclusion. The study demonstrates the preservation of the universal meanings of the solar symbol associated with the origins of the birth of a thing in the plots of epic and folklore texts, in magical and ritual practice, in rituals of traditional medicine, in the graphics of choreographic and decorative arts of the Mordovian people. Written sources of the 19th and early 20th centuries recorded the peculiarities in the manner of wearing a women's braid ornament, the existence of back ornaments of the Moksha women's headdress "ftala pool", "kopor tsekane", the bride's ritual wedding hairstyle "keri pulo", the wedding jewelry of the matchmaker "svahan pulo", "kudavan tsekyn".

Keywords: Mordovian traditional costume, women's headdress, puloker braid ornament, the semantics of jewelry, evolution of the form

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Shigurova T.A. Transformation of the Semantics of a Puloker Braid Ornament in a Mordovian Women's Costume. *Finno-Ugric World*. 2026;18(3):438–451. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.438-451>

Введение

Традиционный костюм мордовского народа – важная часть его материальной, духовной и художественной культуры. Создаваемый народом в процессе этногенеза, костюм отражает не только степень освоения технологических процессов, функциональных изменений, но и исторический опыт поэтапного формирования мировоззрения, религиозных, эстетических, нравственных ценностей. Творческая деятельность человека, воспроизводящая многократно проверенные технологии и формы, обеспечивает

организацию и упорядочивание жизненного пространства, преемственность и развитие культуры. Костюм мордовского народа, формировавшийся на протяжении двух тысячелетий, не раз изменялся в соответствии с потребностью человека адаптироваться к условиям окружающего природного пространства и социокультурным переменам. Выявление устоявшихся ценностей, сохранивших созидательный общественно-значимый потенциал, направленный на укрепление и сохранение культуры, остается актуальной задачей гуманитарного знания.

Проблема исследования традиционного мордовского костюма заключается в недостаточной изученности ряда вопросов в области генезиса и функционирования элементов одежды. Данную тему невозможно осветить при отсутствии целостного системного представления об этом феномене этнокультуры. Будучи объектом изучения различных наук (археологии, искусствоведения, этнографии), сложно структурированная знаковая система традиционного костюма раскрывает своеобразие национального характера, духовных, материальных и художественных ценностей своего создателя только с использованием интегративных, этнокультурологических исследований.

Цель исследования – анализ семантики накосника *пулокеря*, аутентичного элемента женского костюма, сохранившегося до XVIII в.

Гипотеза исследования состоит в том, что трансформация смысла накосника обусловлена объективными обстоятельствами жизни, затронувшими духовную и религиозную культуру мордовского народа. В ретроспективе изменения в мифологических и мировоззренческих основах, которые возникли в результате концентрации мордовского населения на территории Примокшанья, консолидации мордвы-мокши и мордвы-эрзи на древних племенных землях, постепенно привели к оттеснению сакрального смысла, сохраненного коллективной памятью в ритуальной и магической практике, в народной медицине, в искусстве. Отказ от спирального формообразования *пулокера* и появление новой технологии его изготовления, новой формы художественного образа привели к исчезновению прежних и рождению новых значений артефакта, что соответствует поэтапной семантической трансформации названия накосника, связанной с изменением его внутренней формы: от процесса окручивания вокруг косы – к результату окручивания (связка, клубок). Дальнейшая трансформация семантического содержания накосника была связана с обозначением отрезанной косы невесты, косы из мочала, футляра из коры дерева или бересты.

Научная новизна заключается в системном культурно-историческом, структурно-семиотическом понимании накосника как рукотворного предмета, позволяющего раскрыть важнейшие аспекты в формировании и развитии культуры. Взаимосвязь *пулокера* с моральными и этическими ценностями женщины – носителя и создателя традиционного костюма, активной участницы обрядовой и повседневной практики, определила глубину содержания семантики, направленность на сохранение этнокультуры.

Обзор литературы

Исследование накосника, использовавшегося в мордовском женском костюме с VIII по XVIII в., опирается на работы археологов А. Е. Алиховой, М. Ф. Жиганова, И. М. Петербургского, П. Д. Степанова и других исследователей, зафиксировавших *пулокеря* в составе погребального комплекса костюма¹. В трудах Р. Ф. Ворониной и Н. М. Малковой рассмотрены строение трубчатого накосника и его типы [1; 2].

¹ Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I-го – начала II-го тыс. н. э. В: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Т. 2. Саранск: Морд. кн. изд-во; 1959. С. 13–54.; Степанов П.Д. Паньжинский могильник. В: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Т. 2. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1959. С. 195–206.

В предыдущих публикациях автора статьи, благодаря проанализированным данным археологии, этнографии и культурологии, были рассмотрены основные этапы появления и развития формы накосника, что позволило проследить взаимосвязь с особенностями мордовской культуры. Были выяснены истоки рождения *пулокера*, подчеркивавшего статус женщины в обществе и семье. Женщина, используя выверенные веками навыки обработки кожи и металла, создала накосник, ставший на тысячелетие демонстрацией твердых моральных принципов народа, формирования национального характера, символом мордовского этноса. Установлено, что способом создания *пулокера* стала популярная у мордовских женщин в VIII–XI вв. н. э. спиральная технология изготовления проволочных украшений [3]. Определяющим фактором устойчивости аксессуара в женском костюме, несмотря на трансформацию его гибкой спиральной формы с X в. в твердый цилиндрический или конусообразный футляр из луба, являлась функциональная нагрузка накосника [4].

До сих пор оставались вне поля зрения ученых вопросы трансформации семантики *пулокера*, тысячелетие бытовавшего в традиционном женском костюме. В связи с этим в данной статье предпринимается попытка определения смыслов, заложенных в массивной многослойной конструкции левженского накосника; выявления сохранившихся в этнической культуре вариантов интерпретации самого названия исследуемого аксессуара костюма, многообразия его смыслового наполнения.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход: соединение данных разных наук – истории, этнографии, филологии, искусствоведения и др. – определяет многоаспектный характер феномена культуры, его национальную специфику. Сравнительно-исторический анализ артефактов, обнаруженных летом 2021 г. во время археологических раскопок памятника «Калмоляй» (XVII–XVIII вв.), при сопоставлении с накосником древней спиралевидной гибкой формы (IX в.) и накосником в виде твердой конусообразной трубки (XIII–XIV вв.) позволил проследить трансформацию внешнего вида исследуемого накосника.

Семиотический анализ позволяет рассматривать данный предмет как элемент знаковой системы, который, благодаря особенностям формы, материала, гипертрофии размера, имплицитно несет значения, выходящие за границы обыденных представлений человека. Этот компонент костюма транслирует информацию о социальном статусе носителя, его религиозных представлениях и этнокультурной принадлежности.

Обращение к фольклорным текстам мордвы, письменным свидетельствам Русского географического общества, этнографическим описаниям традиционного женского убора (XIX – начало XX вв.), а также к философскому осмыслению дефиниций костюма позволило наиболее полно эксплицировать семантику артефакта, функционировавшего в культуре в дохристианский период.

Результаты исследования и их обсуждение

Исторические исследования подтверждают, что мордовские крестьяне владели семиотической системой, т. е. использовали знаки для передачи важной информации на орудиях труда, одежде, ритуальных предметах: «...у мордвы родовые знаки появились не позже IX века... так как совместное использование лесных угодий представителями разных родов внутри территориальной общины неизбежно требовало появления определенных маркеров рода на осваиваемых участках»². Морально-нравственные ценности мордовского народа в этот период опирались на языческие религиозно-мифологические основы духовной культуры, в которой преобладали женские образы богинь: *Ведьава*, *Вирьава*, *Чиава*, *Шиава* и др.

² Напольникова П.К. Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Тамбов; 2017. С. 27.

С XI в. часть мордовского (мордвы-мокши) населения, проживавшего по рекам Цна, Вад и Мокша, вошла в состав Древнерусского государства. Активность славяно-мордовских взаимоотношений, миграционные процессы и последовавшее появление славянских поселений на реке Цна определили значительные изменения в культуре. По мнению Р. Ф. Ворониной, в цнинско-мокшанских памятниках, например, в Лядинском могильнике (X–XI вв.), охарактеризованном ею в качестве «ключевого» памятника, входящего «в состав Цнинской группы», появление славянских вещей свидетельствует «об усилении торговых связей» [1, с. 3, 76]. Археологические материалы Лядинского могильника сохранили предметы, подтверждающие поклонение человека солнцу, огню. Это – образцы орнамента на вещах, форма украшений, которые воплощали солярные смыслы: крест, круг, крест в круге, спираль. И. М. Петербургский подтверждал не только «обоожествление неба и небесных светил» древней мордвой, но и появление атрибутов христианского культа в мордовских памятниках: иконок, крестов [5, с. 17].

С XI в., на фоне нарастания политических и экономических проблем в Киевской Руси, характер взаимодействия с соседними народами меняется, что негативно отражается на состоянии культуры мордовского народа. Перестают использоваться людьми цнинские памятники мордвы. В это же время исчезают памятники северо-западных финно-угорских племен (муромы и мери), что позволяет нам предположить о существовании серьезных причин миграции финно-угорских племен, покидавших неблагоприятную среду обитания. О. В. Зеленцова приводит примеры нарушения целостности женских погребений литейщиц, которые стали массовыми в муромском обществе [6]. Феодалная раздробленность с XII в. в Древней Руси и превращение мордовских земель в место военного столкновения славянских княжеств с Волжской Булгарией ускорили концентрацию мокшанского населения в лесной зоне Примокшанья.

Художественное содержание произведений народного искусства базируется на мировоззренческих основаниях традиционной культуры, в частности – на сакральных представлениях этноса, определяющих отношение человека к миру и его устройству. Так, в эпосе «Масторава» драматизм поиска культурой надежного фундамента для города-крепости раскрывается размышлениями старцев, предлагающих в качестве символа клубок ниток:

«Потому не строится наш город,
Крепостью могучей стать не хочет:
Шелковый моток себе он просит,
Шелковый моток, эрзяне, нужен.
По деревням-селам походили,
Шелковые нитки отыскали,
Без труда нашли моток желанный...»³.

Происхождение понятий «колесо», «клубок» (м. *кърня*, э. *кире*) связано с древнейшими прединдоиранскими заимствованиями: «**kekrā* ‘колесо’... (возможно, повторяющееся заимствование)» [7, с. 112]; «*ker*, *kerv*, ‘туго скрученный, свитый’»⁴.

Исследователи отмечают преобладание в кодификационной системе мордовского народа знаков, представленных в форме окружности: «...(81 % от всего количества) – это различные графические комбинации нескольких окружностей (от двух до девяти)...» [8, с. 44]. Представления о сакральном смысле этого знака относятся к глубокой древности. Необходимость определения границ, упорядочения жизненного пространства были связаны с окружением, огораживанием, защитой территории, что выражено в мордовских словах м. *керьге* ‘деревня’, м. *кърня*, э. *кире* ‘клубок’, ‘колесо’, э. *кереть-озкс* ‘общинное моление’. В мордовской культуре через века сохранялась

³ Шаронов А.М. Масторава. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та; 2019. С. 577.

⁴ Цыганкин Д.В., Мосин М.В. Этимология валкс. Саранск: Изд-во мордов. ун-та; 2015. С. 68.

традиция использования солярных, циркульных знаков на вещах и предметах быта, ритуальных крестах. Совпадение вербально и визуально выраженной формы знака подтверждают осознанность восприятия объекта или созерцаемого произведения искусства. Постепенный, вынужденный уход его на второй план, в тень, безусловно привел к изменениям интерпретации содержания предметов традиционной культуры.

Исторические, социально-экономические и природные факторы способствовали трансформации канонической художественной формы и смысла знаков традиционного мордовского костюма раннего Средневековья. Динамика костюма проявилась в сокращении с XI в., а постепенно и в исчезновении этноопределяющих женских украшений – спиралевидной височной подвески, шейных гривен, ажурных привесок. Стали редкими находки спиральных трубочек, которыми в прошлом обильно декорировали обувь и головные венчики. Параллельно с древней пластичной формой спиралевидного *пулокера* начинает бытовать новая – в виде твердого цилиндрического или конусообразного футляра из коры дерева или деревянных палочек. Обращение к естественному материалу лесного пространства в изготовлении традиционного костюма объяснялось необходимостью этнической культуры адаптироваться к изменившимся условиям жизни в связи с сокращением ввоза цветных металлов в золотоордынское время и последовавшим упадком металлообрабатывающего ремесла⁵. В результате поиск новых смыслов в творческой деятельности по созданию аксессуара окончательно завершился забвением исконной гибкой формы спиралевидного накосника и переходом к твердому футляру, ставшему символом этнической традиции.

По мнению В. А. Юрченкова, «XIII веку суждено было стать столетием, наполненным для мордовского народа трагическими событиями»⁶. Речь идет о нашествии монгольских войск, об уводе в рабство мужчин для использования в качестве воинов, о значительном сокращении мордовского населения, о существенном снижении уровня материальной культуры. Паньжинский могильник (XII–XIV вв.), расположенный рядом с поселением мордвы-мокши, по оценке П. Д. Степанова, показывал бедность населения, «выразившуюся в скудности похоронного инвентаря»⁷. Археологические исследования показывают картину исчезновения многих памятников Примокшанья в XV в., что позволило Г. Н. Белорыбкину сделать парадоксальный вывод: «Создается впечатление, что мордовские памятники исчезли практически полностью, хотя этот народ существует до сих пор» [9, с. 35]. Население занималось рыболовством, земледелием и животноводством, лесными промыслами – охотой, бортничеством.

Забора женщины об изготовлении определенной формы головного убора и прически свидетельствует о заинтересованности общества в идентификации социального положения каждого его члена. Комплекс значений семиотической системы костюма, созданный прошлыми поколениями, сохранялся средневековой традиционной культурой, правила ношения костюма несли информацию о возрасте и статусе человека. Изменения в технологии создания элементов традиционного костюма и их формы были обусловлены материалом и способом создания предмета. Так, особенности формы накосника Бокинского могильника (XIII–XIV вв.) определяют палочки, из которых создавалась конусовидная трубка [10]. В южной и центральной частях Примокшанья постепенно сформировался наиболее распространенный тип женского накосника – в виде футляра с двумя расширяющимися концами.

⁵ Жиганов М.Ф. Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы в XIII–XVI вв. В: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Т. 2. Саранск: Морд. кн. изд-во; 1959. С. 138–168.

⁶ Юрченков В.А. Мордовская история: курс лекций. Саранск; 2014. С. 68.

⁷ Степанов П.Д. Паньжинский могильник. В: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Т. 2. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1959. С. 198.

Спиральное окручивание наконсника сохранилось, но оно перестало выполнять формообразующую функцию, сохранив роль декорирования элемента головного убора. Н. М. Малкова подчеркивает сложность конструкции твердых наконсников: «...футляр из древесины, обвитый бронзовой проволокой, полоской кожи, либо тем и другим» [2, с. 296].

Утрата гибкости аксессуара – знак культуры, уставшей от череды пережитых испытаний. Новизна содержания произведения декоративно-прикладного искусства отражала стремление к стабильности, упорядочиванию жизненного пространства, созданию более надежных и прочных канонов, включая и нормы поведения. Выбор женщиной прочной конструкции наконсника обуславливался экономией времени на создание прически. При этом исключались виды деятельности, ставшие неактуальными. Целесообразность, минимализм декора и пластичность естественной формы были заменены новыми выразительными приемами создания образа. Эстетическая функция ритуального наконсника в погребальном обряде подчеркнута появлением кисти из мочала⁸. Территориальное и хронологическое многообразие вариантов эстетической семантики наконсника на территории Среднего Поволжья было представлено бахромой из ниток, бисера и других материалов.

Для создания прически часто женщины при помощи нитей имитировали обилие волос: «В ряде случаев внутри *пулокера* обнаружены только шерсть или шерстяные нити, волосы или коса отсутствовали» [2, с. 296]. Наконсник постепенно утратил практическую функцию; его основным назначением становится знаковая функция – указания на социальный статус женщины. Обычай включения шерстяных ниток в создаваемую прическу был связан также с эстетической функцией прически. Он сохранялся еще в середине XIX в. и зафиксирован в селах Пензенской губернии: «Если же которая женщина имеет на голове короткие волосы, то она под платок надевает на голову волосник или в волосы вплетает коноплю и посконь»⁹.

Процессы интерпретации знаковой информации костюма происходили постепенно в связи с изменениями в культуре, появлением иных знаковых систем, появлением новых смыслов. С XVI в. территория мордовского края активно заселяется русскими крестьянами. Сложные исторические процессы активизировали миграционное движение эрзянского населения с северо-западных соседних территорий в юго-восточном направлении. Поскольку знаковая функция предмета сохраняется при условии неизменности смысла, понимаемого всем обществом, то консолидационные процессы мордвы-эрзи и мордвы-мокши способствовали трансформации элементов этнической культуры.

С этим связано смешение эрзянско-мокшанских этнических особенностей традиционного костюма в крое одежды, орнаменте и цветовой гамме вышивки, в исчезновении диалектного разнообразия мокшанских терминов при обозначении элементов костюма, замененных в ряде случаев эрзянскими названиями. В мокшанских говорах рузаевского ареала современными лингвистами отмечается «относительная неоднородность как на фонетическом, так и на морфологическом уровне» [11, с. 23].

Одна из последних на территории Республики Мордовии находок *пулокера* была обнаружена в языческом могильнике Калмоляй (1690-1730 гг.), расположенном около села Левжа Рузаевского района Республики Мордовии. В результате археологических раскопок памятника обнаруженное разнообразие эрзянско-мокшанских артефактов подтверждает консолидационные процессы эрзянского и мокшанского субэтносов, проживавших в селе, которое было основано в начале XVII в.

⁸ Степанов П.Д. Паньжинский могильник. С. 198.

⁹ Научный архив Русского географического общества. Рукописи трудов о народностях Пензенской губернии. Ф. Р-XXVIII. Оп. 1. Д. 20. 20 л. Л. 11.

Аксессуар обнаруженного погребального женского головного убора обладает безусловной выразительностью рукотворного произведения декоративно-прикладного искусства. Глубина знакового наполнения предмета была обращена к живущим на земле односельчанам и к существующим на «том свете» (тона ши) предкам. За пределами этнической (мордовской) территории наконники очень быстро выходили из употребления.

Модификация наконника, бытовавшего в XVIII в., определялась значительным расширением корпуса к обоим концам, что визуальнo напоминает форму «песочных часов» (рисунок). Выделяясь чрезмерной массивностью изделия, наконник воздействовал своей формой на окружающих, привлекая внимание к статусу женщины. Гипертрофированный силуэт усиливал символическое значение головного убора и женского костюма в целом. Глубинные смысловые ассоциации связаны с представлениями народа о человеке, о важности взаимоотношений в коллективе, опосредованных спецификой традиционного костюма и в частности – оформлением головного убора.

Конструкция изделия многослойна. Верхний слой из луба по краю скреплен полосой кожи. Значительная толщина стенок каркаса из деревянных брусков позволяла добиться прочности, твердости, долговечности, рассчитанных на века. Мастерство искусственно созданного объема аксессуара весьма убедительно подчеркивает выразительность скульптурной формы, дополнительно усиливаемой блеском спирали из бронзовой проволоки. Металл в качестве визуального смыслового акцента полностью покрывал древесные материалы, не входившие, таким образом, в семиотику наконника – произведения декоративно-прикладного искусства.

Р и с у н о к. Пулокеръ села Левжа. XVIII в. Фотограф Данила Назаров, 2021 г.

F i g u r e. A Puloker from the village of Levzha. 18th century.

Photograph by Danila Nazarov, 2021

Источник: Столица С. Костно-язычная сенсация [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/archives/309945> (дата обращения: 07.05.2026).

Source: Stolitsa S. Bone-lingual sensation [Electronic resource]. Available at: <https://stolica-s.su/archives/309945> (accessed 07.05.2026).

Обращение женщины к активным средствам создания «гипертрофии образного строя костюма» и компенсации «несовершенства» человеческого тела Р. В. Захаржевская связывала с выражением идеи, определяемой как «средство ограждения высшей ступени иерархии общества от низестоящих классов»¹⁰. Несомненно, что замужняя женщина стремилась к стабильности положения в семье и обществе, это обуславливало в значительной мере традицию сохранения знаковых средств женского головного убора, визуально транслирующих ее социальный статус, важные нравственные, эстетические смыслы.

Подчеркнутая целеустановка гипертрофии формы накосника как «средство ограждения» становится понятна при упоминании трагических событий прошлого: народных восстаниях, бегствах крестьян, целыми деревнями покидавших свои селенья из-за страха расправы. Высокая степень тревожности крестьян в XVIII в. подтверждается упоминанием о беседах Д. Перри с мордовскими и марийскими крестьянами, присылаемыми в начале XVIII в. в качестве работников для рытья канала и конной охраны объектов. Крестьяне сообщали, что их пугает мысль о принятии христианской веры: «Они страшатся, переменяв свою Веру, лишиться его ('Бога') благословения»¹¹. Громоздкость, визуальная массивность и тяжеловесность рассматриваемого накосника, выполнявшего знаковую функцию, сигнализировали об эмоциональной тревожности носителя в связи с неизвестностью будущего.

Женщина оставалась наиболее уязвимой частью общества в сложный период принятия решения, связанного с процессом христианизации народов Среднего Поволжья. *Пулокерь*, рожденный в этнической культуре в VIII в., был предназначен служить ей, сохранять статус женщины в семье и обществе. Это определялось высокой ответственностью и выполнением обязанностей, связанных с рождением детей, заботой о здоровье семьи, созданием необходимых материальных ценностей (пищи и одежды), выполнением ритуальных функций и др. Из века в век вплоть до XVIII в. изменялись форма накосника, используемые материалы и способы ношения этого предмета, но даже *пулокерь* гипертрофированной формы оставался тесно связанным с этнокультурой, уже давно включившейся в преобразования Российского государства, участвовавшей во всех событиях XVI–XVII вв. Являясь ярким визуально-художественным акцентом головного убора женщины, которая наивно надеялась сохранить прочность правил, канонов этнической культуры, накосник остался в истории костюма последним символом дохристианского мира. В Левже крещение населения зафиксировано 1740-ми годами, когда был построен первый православный храм и появилось новое кладбище.

Начало формирования православной религиозной культуры, социальных правил поведения, новой традиции и языка, способов ритуальных действий, не предусматривавших активной деятельности женщины в религиозной практике, предполагали период неопределенности религиозного сознания. Смыслы и глубина постижения возрождающей творческой силы мужского Бога в православии требовали продления определенного времени для духовно-эмоционального переживания «пути к Богу». Душевное состояние, жажда творчества и потребность активной деятельности, присущие мордовской женщине, подтверждали совершавшиеся в мордовских селах до середины XX в. коллективные языческие обычаи и обряды. Религиозные противоречия были преодолены благодаря синкретизму православной веры в России.

Традиционное мордовское общество, обладая высокой знаковостью, сохраняло наиболее важные нравственные, семейные коллективные ценности, закрепляемые

¹⁰ Захаржевская Р.В. История костюма: от античности до современности. М.: РИПОЛ классик; 2005. С. 272.

¹¹ Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. Пер. с англ. княжны Ольги Михайловны Дондуковой-Корсаковой. М.: Общество истории и древностей рос. при Моск. ун-те; 1871. С. 146.

ритуалом (свадебным, родильным, погребальным), лечебно-магической практикой. Существовавший в раннем средневековье культ огня и солнца сохранился в визуальных образах декоративно-прикладного искусства, в орнаменте вышивки мордовских мастериц, узорах, создаваемых резчиками по дереву, в семантике текстов устного народного творчества. Спиральный способ формообразования костюма запечатлен многократностью опоясывания, манерой закрепления обуви, обилием нитей нагрудных украшений. В селе Колопино Краснослободского района Мордовии сохранилась терминология, имеющая соответствующее смысловое значение: нагрудные украшения в виде бус, ожерелий назывались м. *кяркс*, *керкс*, *тяньков керкс* ‘связка, клубок’; м. *алгань керкс* ‘нижняя связка’¹².

Идея круга, кручения, вращения, цикличности времени выражена в традиции многократного повторения заговоров, магических действий мордовских ворожей и знахарок, в повторении молитв не менее трех раз, что осознавалось как использование магической силы слова, умножающейся ее повторением и воздействующей на болезнь человека. В «Мордовском этнографическом сборнике» А. А. Шахматова, являющемся важным источником изучения коллективных религиозных мордовских молений и обрядов, отмечается повторяемость их в течение года неоднократно, не менее трех раз¹³. В народных медицинских практиках мордвы прослеживалось использование нити с магической целью: знахарки обвивали нитью больное место, окручивали нитью вокруг тела (головы, руки и проч.), завязывали или срезали нити: «Возьмут красную нитку и пойдут на место падения, а старушка начнет молиться. Вокруг своей головы смеряет нитку и скажет: “Матушка земля, Бог земли! Дай на вершину его головку, на рост его рост, на стан его стан...”», оставит нитку на месте молитвы вместе с жертвуемой пищей»¹⁴. Магическим проклятием, используемым повседневно, служило пожелание – чтобы «колесом вертелся». Народная вера в магическую силу многократно повторяемых действий и знаков, будучи перенесенная на деятельность вращения, обкручивания, долгие века сохранялась в практике народного врачевания знахарок и ворожей.

Вплоть до начала XX в. в свадебном обряде сохранялось использование кисти из мочала, являвшейся завершением декора средневекового накосника. Так, невесте в доме жениха «вплетали в косу длинный хвост из мочала (*керь пуло*) – что уподобляло девушку плодовой липе»¹⁵. В мордовских селах украшение из мочала сохранялось в качестве дополнительного знака главной распорядительницы свадьбы – свахи *кудавы*, роль которой исполняла только замужняя женщина. В эрзянских селах известно о бытовании украшения *свахань пуло*, а в мокшанских – *кудавань цекыня*, которое представляло собой «нанизанные на нить кисти из мочала или кудели, с которыми сваха приезжала домой, а потом, сняв его, отдавала детям на игрушки»¹⁶.

Знаковая система мордовского народного танцевального искусства включала солярные коды, вербально выраженные понятиями ‘кружить’, ‘вертеть’. Форма круга сохранялась во время гулянья молодежи, в разнообразных игровых действиях во время пения или плясок девушек. Существовала традиция оценки трудолюбия и мастерства девушки по качеству пряжи: осенью юноши воровали клубки ниток (э. *кире* ‘моток’; м. *кърня* ‘клубок’), которые потом рассматривали, обсуждая по особенностям клубка достоинства мастерицы¹⁷.

¹² Рукописный фонд Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. РФ220/268. Краснослободский район МАССР. Л. 54, 55.

¹³ Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. СПб: Тип. Имп. Акад. наук; 1910. 848 с.

¹⁴ Там же. С. 99, 180–185, 186.

¹⁵ Шуляев А.Д. Жизнь и песня: поэтическая система традиционной народной лирики мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1986. С. 131.

¹⁶ Шигурова Т.А. Свадебная одежда мордвы. Саранск; 2010. С. 129.

¹⁷ Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник.

Различие вариантов смысла славянской и мордовской символики средневековых культур отражено в легенде об утрате мордвой собственной территории как семиотической проблеме, где показано непонимание мордовским князем условий продажи. Он согласился продать ту часть территории, которая равна длине веревочки / бечевки, окруженной на шее человека. А русский князь навертел на шее сильного человека столько тонкой веревочки (э. «*чувини карькске*»), что «ее хватило вокруг всей эрзянской земли»¹⁸.

Своеобразие мордовской культуры, национального характера, представлений народа об окружающем мире, проявлявшееся в межнациональных связях, определяло формирование системы ценностей этноса. Этические ценности и представления (религиозные в том числе) отражались в поведении человека, в его отношении к окружающим, к близким людям. Поведение женщины оценивали принадлежностью ее к определенной социальной группе, что соответствовало статусу в обществе, визуализированному традиционным костюмом, головным убором и его элементами. В народной памяти сохранились интерпретации семантики накосника, связанные с ролью женщины в семье, особое внимание уделялось ее отношению к близким и родным людям.

Мордовский ученый-фольклорист и этнограф А. Д. Шуляев объяснял взаимосвязь названия накосника с обрядовым действием *резать*: «Чтобы *уломать* девушку выйти замуж, волосы ее нужно было отрезать – *керомс*... отрезание волос приводило к символической смерти, затем... следовало возрождение через брак к новой жизни, в новом качестве»¹⁹. Он отмечал бытование мордовского обычая отрезания косы у совершеннолетней девушки. Отрезанная коса *керш пель* становилась символом девичества и после смерти женщины хоронилась вместе с ней. По поверьям, *керш пель* помогала «...воскреснуть в потустороннем мире, выйти там замуж и иметь детей»²⁰. К сожалению, в других этнографических источниках подобная информация пока не нашла подтверждения, но такая интерпретация символического смысла найденной вещи (косы) позволяет понять её назначение в погребениях детей (девочек и мальчиков). Женская коса в захоронениях, включая и мужские, могла служить одновременно выражением заботы о покойном. Будучи символом женского начала, она (по мнению народа) способствовала возрождению человека, благоприятному развитию событий на «том свете».

Таким образом, в мордовской культуре сохранились вариации осмысления роли накосника, связанные с его названием. Смысловое наполнение вариантов названия накосника, близких к слову *пулокерь* могло быть связано со следующими значениями: 1. вокруг косы; 2. связка, клубок; 3. отрезанная коса; 4. коса из мочала; 5. футляр из коры дерева, бересты.

Слова устной речи, служившие названием накосника, на протяжении тысячелетия его бытования могли иметь различные синонимичные варианты, связанные как с эволюцией мокшанского языка, так и с динамикой формообразования предмета, способа его ношения. Каждый конкретный исторический период использования накосника, несомненно, включал цельное смысловое наполнение названия изделия, его содержания, соответствующего образу предмета в сознании человека и функционированию предмета в повседневности. Прекращение использования аксессуара в XVIII в. ускорило забвение древних смыслов, связанных с его происхождением, древнейшими религиозными ценностями. Произошло переосмысление его символики, обусловленное динамикой формообразования вещи, изменениями в культуре, в представлениях мокшанского народа о мире.

¹⁸ Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. С. 48.

¹⁹ Шуляев А.Д. Жизнь и песня: поэтическая система традиционной народной лирики мордвы. С. 133.

²⁰ Там же. С. 131.

Этнографические источники сохранили в памяти истории о бытовании в XIX – начале XX вв. отличительных особенностей головного убора мокшанской женщины, которые отсутствовали в эрзянском головном уборе. До середины XX в. сохранялись наспинные украшения мокшанских женщин, используемые в праздничные дни. Они прикреплялись к головному убору и служили семантическим маркером замужней женщины. Обязательность подобного элемента головного убора в области затылка прослеживается в обилии названий: м. *кувака фатат* ‘длинная фата’, м. *фтала пула* ‘хвост сзади’, м. *фталда содмат* ‘знак сзади’, сохранившихся в селах бывшего Чембарского уезда Тамбовской губернии. Здесь женщины повязывали головной платок м. *руце* ‘платок’, который шили из сатина темного тона, завязывая его на затылке, в отличие от девушек, на два узла. Второй узел должен был перехватить две косы, закрепленные на затылке венком. Прическа называлась «погонялки», о ней в народной песне поется:

«Ох, Мария, куда дела
С топориче косу?
О, эх мою косу
Иванов Нефед отрезал!
Из волос вожжи сплел!
Э, ой, остатки косы
В кончик кнута вплел!»²¹.

В селах Пензенской губернии сохранилось название украшения м. *копорь цёкане* ‘спинная кисть’. Изготавливали украшение из полосы ткани расшитой монетами, раковинами, пуговицами, бахромой из бисера и нитей. Женщина прикрепляла его к головному убору или к бусам в области спины²².

Накосники девушек, используемые в XIX в., не закрывали косу полностью, а располагались поверх косы, служа ее украшением. П. Секторов в материалах Русского географического общества зафиксировал важную для исследования прочности древней солярной символики в мокшанской культуре особенность манеры ношения накосника. Девичий накосник представлял собой кожаный ремень, на который прикрепляли медные пуговицы с изображениями различных животных, украшали подвесками из ужовок, пуговиц, бусин и бисера²³. Носили накосник весьма своеобразно: косу по спирали обматывали вокруг ремня так, что медные пуговицы закрывали ее всю. Таким образом память культуры сохранила уникальность духовной культуры мордовского народа, вариантов традиции в искусстве, в обрядовой, магической, медицинской практике.

Заключение

Тысячелетие бытования *пулокеря* – значительный срок в истории развития традиционного костюма, подтверждающий его важную роль в этнокультуре. Костюм мокшанской женщины в эпоху Средневековья реагировал на изменения формированием новых элементов, соответствующих религиозным представлениям о едином «Верховном Боге», творце мироздания – *Шуназ, Оцю Шкай паз, Вяри Шкай, Верепаз* (от м. *ши*, э. *чи* – ‘солнце’, ‘день’). Спиральный стиль, проявлявшийся ранее в женских украшениях (височные подвески, браслеты, кольца, налобный венчик, застежки одежды, гривны и проч.) сочетанием технических приемов изготовления, визуальным способом передачи религиозных, морально-нравственных смыслов, был характерен для накосника VIII–X вв.

С XI в. началась трансформация *пулокеря*: архаичный способ изготовления вещи был заменен каркасным; альтернативой металлу и коже стали доступные материалы лесной зоны. Накосник с трубчатым корпусом из коры дерева или палочек,

²¹ Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 8 т. Т. 6. Ч. 2. Мокшанская свадебная поэзия. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1975. С. 12.

²² Белицер В.Н. Труды Мордовской этнографической экспедиции. Вып. 1–3. Народная одежда мордвы. М.: Наука; 1973. 215 с.

²³ Научный архив Русского географического общества. Л. 17.

снаружи декорированным окручиваемой по спирали проволокой, видоизменяясь в локальных вариантах традиционного костюма, функционировал до периода христианизации мордовского народа в XVIII веке. Богатство семиотического наполнения вещи подтверждается соотносением значения в сохранившихся до наших дней культурно-исторических, фольклорных, этнографических, археологических источниках. Научное исследование левженского *пулокеря* позволяет понять сконцентрированные в предмете эмоции создателя вещи, рожденные экзистенциальными переживаниями в связи с распространением социальной напряженности, решением проблем и противоречий времени. Гротеск художественного образа произведения декоративно-прикладного искусства выражал осознание неотвратимости божественного возмездия за возможное вероотступничество. Главная идея культуры, воплощённая в визуальной форме накосника, определялась морально-этическими, религиозными ценностями, которые были тесно связаны с пониманием женских обязанностей, предполагающих заботу о близких, необходимость контролировать собственное поведение.

Исследование женского накосника позволило обнаружить в мордовской культуре древнюю традицию спирального формообразования костюма, подтвержденную манерой ношения различных элементов, узорами орнамента народного искусства. Сохранившиеся культурные тексты сюжетов мифологии и фольклора, семейных обычаев и обрядов, магической практики и ритуалов народной медицины, этнические особенности хореографического искусства представляют широкий спектр вариантов смысла древних солярных символов, передаваемых от поколения к поколению. Сложность значения и возможные интерпретации символики накосника варьировали в общественно-значимых границах религиозных, морально-этических, эстетических ценностей, соответствуя роли женщины в культуре и семье.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

М. – мокшанский язык; э. – эрзянский язык.

ABBREVIATIONS

М. – Moksha language; э. – Erzya language.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронина Р.Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало XI века: моногр. М.: Наука; 2007. 164 с.
2. Малкова Н.М. Головные уборы в позднесредневековых погребениях эрзи и мокши. *Археология евразийских степей*. 2025;(4):293–308. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.293.308>
3. Шигурова Т.А. Исследование мордовского костюма: спираль как средство формообразования накосника «пулокерь». *Человек и культура*. 2024;(4):155–170. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2024.4.71322>
4. Шигурова Т.А., Мокшина Е.Н. Женский накосник мордвы-мокши: динамика формообразования. *Человек и культура*. 2025;(2):144–157. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2025.2.73944>
5. Петербургский И.М. Предметы с языческой и христианской символикой в памятниках древней мордвы. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2014;(2):13–19. <https://elibrary.ru/szexln>
6. Зеленцова О.В. Еще раз о женских захоронениях с ювелирными инструментами из муромских могильников Нижнего Поочья. *Археология Евразийских степей*. 2024;(4):309–325. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.309.325>
7. Григорьев С.А. Происхождение и миграции индоариев: моногр. Челябинск: Изд-во Челябин. гос. ун-та; 2024. 452 с.
8. Напольникова П.К. «Знамена» цнинской мордвы. *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2016;(2):39–49. <https://elibrary.ru/wbvxxv>

9. Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века: моногр. Пенза: ПГПУ; 2003. 199 с. <https://elibrary.ru/qothwl>
10. Андреев С.И. Бокинский могильник средневековой мордвы. *Российская археология*. 2020;(2):151–166. <https://doi.org/10.31857/S086960630009079-5>
11. Иванова Г.С., Водясова Л.П., Иванова Н.В. Морфонологические особенности в парадигме основного склонения в сузгарьевском типе мокшанских говоров рузаевского ареала. *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):21–34. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.021-034>

REFERENCES

1. Voronina R.F. [Lyadinsky Antiquities. From the History of Mordovia-Moksha. The End of the IX – Beginning of the XI Century: A Monograph]. Moscow: Nauka; 2007. 164 p. (In Russ.)
2. Malkova N.M. Headdresses in Late Medieval Burials of the Erzya and Moksha. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2025;(4):293–308. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.293.308>
3. Shigurova T.A. [Study of the Mordovian Costume: Spiral as a Means of Shaping the "Puloker" Braid Ornament]. *Man and Culture*. 2024;(4):155–170. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2024.4.71322>
4. Shigurova T.A., Mokshina E.N. [The Mordovian-Moksha Female Braid Ornament: The Dynamics of Shaping]. *Man and Culture*. 2025;(2):144–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2025.2.73944>
5. Peterburgskiy I.M. Subjects with Pagan and Christian Symbols in the Monuments of Ancient Mordvians. *Russian Journal of Humanities*. 2014;(2):13–19. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/szexln>
6. Zelentsova O.V. Once Again about Women's Burials with Jewelry Tools from the Muroma Burial Grounds in the Lower Oka Region. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2024;(4):309–325. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.309.325>
7. Grigoriev S.A. [The Origin and Migration of the Indo-Aryans: A Monograph]. Chelyabinsk: Publishing House of the Chelyabinsk State University; 2024. 452 p. (In Russ.)
8. Napolnikova P.K. ["Banners" of the Tsninsk Mordva]. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2016;(2):39–49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wbvxxv>
9. Belorybkin G.N. [The Western Volga Region in the Middle Ages: A Monograph]. Penza: PGPU; 2003. 199 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qothwl>
10. Andreev S.I. The Bokino Medieval Mordvin Cemetery. *Rossiiskaia arkheologiya*. 2020;(2):151–166. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S086960630009079-5>
11. Ivanova G.S., Vodyasova L.P., Ivanova N.V. Morphological Features in the Paradigm of the Main Declension in the Suzgar Type of Moksha Dialects in the Ruzaevsky Area. *Finn-Ugric world*. 2025;17(1):21–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.021-034>

Информация об авторе:

Шигурова Татьяна Алексеевна, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов института национальной культуры МГУ им. Н.П. Огарева (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5342-8471>, SPIN-код: 8293-1049, shigurova_tatyana@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 07.05.2026; одобрена после рецензирования 07.07.2026; принята к публикации 15.07.2026.

Information about the author:

Tatyana A. Shigurova, Dr. Sci. (Cult.), Professor, Department of Cultural Studies and Library and Information Resources, Institute of National Culture, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5342-8471>, SPIN-code: 8293-1049, shigurova_tatyana@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 07.05.2026; revised 07.07.2026; accepted 15.07.2026.